

Исследовательская статья

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10

Селиверстова Н. А.
Зубок Ю. А.

Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции
молодёжи

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
nas0311@ya.ru
uzubok@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ связей религиозной идентичности молодёжи и её представлений о смыслах жизни, семьи, образования, труда в динамике (2017-2020 гг.), в том числе через сопряженность с выборами жизненных стратегий (постоянство/изменение) и моделей поведения (надёжность и спокойствие/изменение). На основе сравнительного анализа указанных показателей сделаны выводы о неоднозначном проявлении религиозной идентичности в смысловой саморегуляции жизнедеятельности молодёжи. В разные периоды она активизирует как традиционные, так и современные смыслы. Для верующих по сравнению с неверующими более значима любовь как смысл жизни, понимаемая гораздо шире, чем любовь мужчины и женщины. На фоне выраженного свойства избегания неопределённости, присущего, прежде всего, верующим, в период пандемии Covid-19 среди них существенно повышается ценность спокойной и безбедной жизни. Экзистенциальные смыслы «проявление своей индивидуальности (самореализация)» и «стремление к истине», соотносимые с современной культурой, менее ценны для верующих, чем для неверующих. Соотношение терминальных и инструментальных смыслов семьи практически не различается у верующих и неверующих, но меняется значимость самих терминальных смыслов: для верующих менее значима «любовь», но выше «потребность в семье». Соотношение терминальных и инструментальных смыслов труда также схоже. Однако для верующих характерна значимость труда как заработка, возросшая в период пандемии COVID-19. Анализ смыслов образования показывает наиболее выраженную инструментализацию в среде верующей молодёжи. Инструментализация смыслов труда и образования также связывается с установкой «на избегание неопределённости» в среде верующей молодежи.

Ключевые слова: молодёжь; религиозная идентичность; смыслы; саморегуляция жизнедеятельности; пандемия COVID-19

Информация для цитирования: Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодёжи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 127-143. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10.

Nina A. Seliverstova
Julia A. Zubok

Religious identity in the semantic self-regulation of youth

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS)
Bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
nas0311@ya.ru
uzubok@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of the links between the religious identity of young people and their ideas about the meanings of life, family, education, work in dynamics (2017-2020), including through connection with the choice of life strategies (stability /change), behavior patterns (reliability and calm / change and risk). Based on the comparative analysis of the data of two studies, the authors draw conclusions about the ambiguous manifestation of religious identity in the self-regulation of the life of young people. In different periods, it activates both traditional and modern meanings. For believers, compared with non-believers, love is understood much broader than the love between a man and a woman is more significant as the meaning of life. Along with the uncertainty-avoidance attitude inherent in believers, during the Covid-19 pandemic, the value of a calm and comfortable life among them is significantly increased. The existential meanings of "manifestation of one's individuality (self-realization)" and "striving for truth", correlated with modern culture, are less valuable for believers than for non-believers.

The ratio of the terminal and instrumental meanings of the family practically does not differ between believers and non-believers, but the significance of the terminal meanings themselves changes: for believers, "love" is less significant, but "need for a family" is higher. The ratio of terminal and instrumental meanings of labor is also similar. However, believers are characterized by the increased importance of the meaning of work as earnings during the COVID-19 pandemic. An analysis of the meanings of education shows the most pronounced instrumentalization among young believers than non-believers. The instrumentalization of the meanings of work and education is also associated with an attitude to avoid uncertainty in this group.

Keywords: youth; religious identity; meanings; self-regulation of life; COVID-19 pandemic

Information for citation: Seliverstova, N. A., Zubok, J. A. (2023), "Religious identity in the semantic self-regulation of youth", *Research Result. Sociology and management*, 9 (2), 127-144. DOI: 10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-10

Введение (Introduction). Процессы осмысления объектов социальной реальности и их переосмысления активно развиваются в молодёжной среде, стали характерной чертой социально-демографической группы. К настоящему времени в исследованиях этих процессов сложилось три направления: анализ смыслов, которыми молодёжь наделяет различные объекты, и

их регулирующий эффект (Зубок, Чупров, 2019 а; Зубок, Селиверстова, 2022; Пилипенко, Пантелеев, 2021; Селиверстова, Сорокин, Ооржак, 2023; Сорокин, 2021b); рассмотрение результатов переосмысления и выделение отклоняющихся смыслов как последствий переосмысления (Зубок, Чупров, 2019 б; Сорокин, 2020; Сорокин

2021а; Сорокин 2022); определение социокультурных оснований представлений о смыслах образования (Селиверстова, Зубок, 2023). Процессы осмысления и переосмысления социальных реалий детерминированы изменяющейся социальной реальностью в её конкретике по сферам жизнедеятельности молодёжи (Зубок, 2022). В этом объектно-предметном поле обращают на себя внимание «переосмысление молодёжью религии и атеизма, Церкви как устойчивый современный тренд» и религиозная идентичность молодых людей (Кублицкая, 2022: 105).

Вера в Бога – это признак, выделяющий людей из общей массы системой социальных ожиданий. Социальные ожидания по отношению к верующим представляют собой группу противоречивых стереотипов: это высокая нравственность, порядочность, ответственность, с одной стороны, консерватизм, и категоричность, с другой. Религиозность осознаётся как регулятор личностных свойств индивидов. Действительно, насколько религиозная идентичность как субъективный показатель религиозности обладает регулируемыми функциями в молодёжной среде? Вопрос возникает в связи с тем, что «религия приняла на себя функцию «демонстративной идентичности» как способа отразить свою национально-культурную принадлежность» (Кублицкая, 2022: 105). С другой стороны, обнаруживаются субкультурные основания религиозной идентичности (Ореханов, 2014; Кублицкая, Лютенко, 2019), возможное отсутствие связи с конфессиональной принадлежностью (Кублицкая, 2022).

В научном дискурсе представлены данные о корреляциях религиозной идентичности молодёжи и исторической памяти о Великой Отечественной войне, религиозного самосознания и ценностных ориентаций студентов, которые в целом показывают большую приверженность верующей молодёжи к сохранению исторической памяти (Белова, 2022), наличие в структуре её ценностных ориентаций «личностного ком-

понента и личностного содержания» (Сokolovskaya, 2013: 51). В этом контексте важным представляется обоснование религиозной социализации как фактора сильной связи между религиозностью (в том числе, религиозной идентичностью) и ценностно-нормативной структурой личности (Пруцкова, 2015).

Жизнь верующих людей признаётся психологами более осмысленной, в этом случае речь идет о верующих в диапазоне от воцерковленных до религиозных фундаменталистов (Леонтьев, 2014), но релевантно ли это утверждение, когда религиозная идентичность – маркер этнокультурной и субкультурной принадлежности молодёжи? На этот вопрос мы и попытаемся ответить. Цель статьи: выявить связи религиозной идентичности российской молодёжи и её представлений о смыслах жизни, семьи, образования, труда, а также изменения указанных показателей в период с 2017 по 2020 гг.

Методология и методы (Methodology and methods). Исходными теоретическими основаниями анализа является сочетание следующих положений социологии религии и социологии молодёжи. Смысловое поле социокультурной жизни испытывает определённое напряжение из-за «сложности отношения между современностью и религией», которое объясняется «сочетанием исторической инерции секуляризации и проявлением универсальности, комплексности и глубины ревитализации религии» (Лебедев, 2020: 53-54). Кроме того, важно учитывать совокупность универсальных характеристик людей, соотносящих себя с религией, и общие свойства религий: «В любой религии никогда не было такого, чтобы все относящиеся к ней глубоко до тонкостей постигали доктрины и скрупулезно следовали кодифицированным нормам этой религии. Однако религии всегда обладали мощным мировоззренческим потенциалом, аккумулировали в себе нравственные и эстетические искания и тем самым оказывались психологи-

чески востребованными и социально функциональными. Поэтому даже невежество в отношении вероучений не отменяло вписанность потребностей подавляющего большинства людей в очерченные религиозными установлениями порядки обыденной жизни» (Смирнов, 2022: 178).

Под религиозной самоидентификацией мы понимаем признание молодого человека себя верующим. Такая самоидентификация базируется на этнокультурной специфике, субкультурных особенностях и воцерковленности, которые могут быть представлены в сочетаниях или в единичных проявлениях. Объединение молодежи по данным основаниям в группу «верующие» теоретически ведёт к противоречивой гибридности социокультурного механизма саморегуляции жизнедеятельности данной группы. Часто вера в бога не сопровождается активной включенностью в жизнь религиозной общины, а религия осмысливается в контексте ценностей светской культуры (Лебедев, 2019: 648).

В развиваемой нами концепции социокультурной саморегуляции жизнедеятельности молодежи функцию ключевого регулятора выполняют смыслы. Проявляя сущность и значения объектов социальной реальности, они представляют комплекс осознанных компонентов данного механизма. Смыслам предшествуют потребности, интересы, ценности.

Поиск и обретение смысла (-ов) жизни – процессы ценностно обусловленные, как и наделение смыслами конкретных феноменов / объектов социальной реальности (в нашем исследовании – семья, труд, образование). П. Бергер считал, что существуют объективированные смыслы культуры, поддерживающие институциональную программу общества и обеспечивающие социокультурное воспроизводство. Кроме того, «индивид не только выучивает объективированные смыслы, но при их помощи индивид формируется и идентифицирует себя с ними» (Бергер, 2019: 27). Нам близка позиция Д. Леонтьева в определе-

нии механизма принятия «готовых» смыслов, которая заключается в обязательном соотношении своего опыта с неким сегментом социальной реальности, социокультурным условием – «контекстом» (Леонтьев, 2014), но мы допускаем, что в отношении части индивидов «работает» способ выучивания культурных смыслов и безусловного принятия.

В связи с этим обратимся к концепции смысла жизни Л. Н. Когана. В названной концепции теоретическими доминантами являются положения о гармоничной связи общественного и личного, проявляющейся в самореализации индивида, эта же взаимосвязь локализует пространство поиска смысла жизни. Исходя из задач феноменологической редукции, он определяет универсальные для возрастных групп объединения смысложизненных категорий: «1) судьба и свобода; 2) жизнь, смерть и бессмертие; 3) вечное и преходящее» (Коган, 1993: 143). Для кого-то смысл жизни будет в самой жизни, а для кого-то в её отдельных проявлениях: любви, создании семьи, рождении детей, самореализации, защите слабых и т.д. Выделенные Л. Н. Коганом, смысложизненные категории важны своим пересечением в пространстве метафизики и этики. Однако значительная часть общества находит, осознает и принимает эти смыслы, обретая веру в бога. На уровне сознания индивида данный феномен ведет к гибридизации конкретных смыслов, базирующихся на религиозных канонах, этических принципах и философских основаниях. В некоторой степени это иллюстрируют следующие «взаимосвязанные цепочки»: «а) свобода – жизнь – вечность; б) свобода – бессмертие – вечность; в) судьба – смерть – преходящее» (Коган, 1993:144). Значимость обретения смысла жизни как регулятора жизнедеятельности определяется в психологии: «человеческое бытие всегда стремится за пределы самого себя, всегда устремляется к смыслу. Тем самым главным для человеческого бытия является не наслаждение или власть, а скорее

осуществление смысла» (Франкл, 1990: 335).

Ценностная природа смыслов социальных объектов обуславливает классификацию смыслов как терминальных (смыслы-цели) и инструментальных (смыслы средства). Исключение составляют смыслы жизни, их регулирующий потенциал имеет терминальные основания. Отдельные терминальные ценности (познание, любовь, семья и т.д.) могут совпадать со смыслами жизни.

Эмпирическую базу составили данные 2-х репрезентативных исследований, проведенных Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова по сопоставимой методике: (1) опроса молодежи в возрасте от 15 до 29 лет (N – 803; март 2017 г.). Регионы: Санкт-Петербург, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область; (2) опроса молодежи от 15 до 35 лет (N – 1155; октябрь 2020 г.) После коррекции выборочной совокупности по возрасту (выделение респондентов от 15 до 29 лет) её объём составил 854 респондента. Регионы: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Красноярский край, Воронежская область, Калининградская область, Саратовская область, Курская область, Вологодская область, Республика Крым.

В обоих случаях использовался метод стандартизированного интервьюирования. Репрезентация обеспечена по возрасту, полу и типу поселения. Ошибка выборки – 4,5%.

В качестве показателей представлений молодежи о смыслах жизни были измерены следующие: стремление к истине, любовь, борьба за справедливость, спокойная безбедная жизнь, политическая борьба (за власть), проявление своей индивидуальности (самореализация), продолжение себя в будущих поколениях. Показатели смыслов

семьи объединены в группы терминальных: потребность (не могу представить свою жизнь без семьи); цель (семья просто должна быть) любовь; и инструментальных: необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи); средство (для карьеры, комфорта); обуза. Показатели смыслов труда также объединены в группы терминальных (ощущение своей полезности; внутренняя потребность; творчество) и инструментальных (возможность заработать; вынужденная необходимость; общение). Аналогичной группировке подвергнуты и показатели смыслов образования: терминальные (развитие способностей; потребность в познании; общая культура) и инструментальных (диплом; престиж; возможность сделать карьеру).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). На основе ответов на вопрос «Верите ли Вы в Бога?» выделено 4 группы: верующие, колеблющиеся-в¹, колеблющиеся-н², неверующие. Фокус анализа направлен на верующих в сравнении с неверующими, в меньшей степени с неопределившимися. В исследовательской практике неопределившихся принято объединять с неверующими, мы же, наблюдая по некоторым показателям смысловой саморегуляции их различия между собой или с одной из полярных групп, считаем важным ввести данные в научный оборот. В отдельных случаях данные по этим группам будут использоваться в сравнительном анализе.

Представим исследуемую совокупность, с учётом того, что в опроснике 2017 г. вопрос «Верите ли Вы в Бога» кроме названных 4 индикаторов содержал позицию «затрудняюсь ответить» (доля затруднившихся ответить составила 6,6%). Доли молодежи, признающих себя верующими, совпадают (2017 г. – 44,2%, 2020 г. – 43,8%). В возрастных подгруппах уровень религиозности молодежи характеризуется следующим образом: среди 15–17-летних – 39,6% в 2017 г., 41,4% в 2020 г.; среди

¹ Респонденты, ответившие «скорее верю».

² Респонденты, ответившие «скорее не верю».

18–24-летних соответственно 45,1 и 40,3%, среди 25–29-летних – соответственно 44,6 и 49,3%. Неверующие в 2017 г. составили 10,7%, в 2020 г. – 21,6%. При небольшом различии шкалы можно говорить о наметившейся тенденции роста численности неверующих за последние 4 года: в группах 15–17-летних (2017 г. – 13,2%, 2020 г. – 24,1%) и 18–24 летних (2017 г. – 12,1%, 2020 г. – 24,7%), в группе 25–29-летних их доли ниже (2017 г. – 8,1%, 2020 г. – 16,3%). Что касается гендерного распределения верующих, то в 2017 г. среди молодых мужчин было таковых было 37,4%, а в 2020 г. – 41,3%. Среди молодых женщин – соответственно, 50,9 и 46%. Если доля неверующих мужчин остается преобладающей над численностью неверующих женщин (в 2017 г. – соответственно 16,2 и 5,4%, в 2020 г. – 25,8 и 17,5%), то внутри самих этих групп выявлены значимые изменения. Так, эмпирические данные указывают на тенденцию некоторого повышения религиозности молодых мужчин и существенного роста доли нерелигиозных молодых женщин.

Распределение по конфессиональной самоидентификации, как обычно, превышает распределение по религиозной самоидентификации молодёжи (на 17–20% в зависимости от региона) (Кублицкая, 2009). Итак, в 2017 г. – 61,1% православных, 16,7% мусульман, 15,2% заявили о неверии, 2,1% распределились между другими религиями; - в 2020 г. – 61,3% православных, 9,8% мусульман, 25,6% подтвердили свое неверие, и 3,3% распределились между другими религиями.

Следует отметить, что при снижении уровня религиозной идентичности населения в целом, повышается уровень конфессиональной идентичности. Это касается, в первую очередь, респондентов, идентифицирующих себя с православием.

Сфокусируемся в соответствии с целью на анализе связей религиозной идентичности и представлений молодёжи о смыслах жизни. Учитывая то, что религиозная идентичность – регулятор, одновременно активирующий этнокультурные и субкультурные доминанты механизма саморегуляции жизнедеятельности, гипотетически среди верующих распространены сочетания традиционных, в том числе «высоких» смыслов и сугубо молодёжных, связанных с целями современной культуры. Анализ данных 2020 г. показывает, что субъективный выбор молодёжи «верю в бога» или «не верю» изменяет выраженность их корреляций с представлениями о смыслах жизни (Таблица 1).

Во всех выделенных группах в качестве 3-х основных смыслов жизни с учётом динамики определились любовь, спокойная безбедная жизнь и проявление своей индивидуальности (самореализация). Однако, как уже было отмечено, по группам наблюдаются существенные различия в значениях. Верующие среди основных смыслов выделили главный – любовь (2017 г. – 61,1%, 2020 г. – 68,8%). К ним приближаются колеблющиеся-в (2017 г. – 62,4%, 2020 г. – 63,5%). Среди неверующих на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции наблюдался более значительный рост смысла любви (2017 г. – 40,7%, 2020 г. – 54,6%), но этот рост не обеспечил любви позицию однозначно главного смысла. При всей очевидной актуальности для периодов юности и молодости смысла жизни «любовь» диапазон его понимания широкий: от любви мужчины и женщины, включающей сексуальную составляющую, любви к детям, родителям, Родине до любви к Богу.

Таблица 1

Связь религиозной самоидентификации и смыслов жизни, %¹

Table 1

Connection between religious self-identification and the meaning of life

Группы молодёжи / Youth groups	Смыслы жизни/ Meanings of life													
	Стремление к истине / Pursuit of Truth		Любовь / Love		Борьба за спра- ведливость / Fight for justice		Спокойная без- бедная жизнь / Calm comfortable life		Политическая борьба (за власть) / Political struggle (for power)		Проявление своей индивидуальности /(самореализация) Manifestation of one's individuality (self-realization)		Продолжение себя в будущих поколениях / Continuation of oneself in future generations	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Верующие/ Believers	31,3	28,8	61,1	68,8	23,1	27,2	38,3	49,4	3,9	2,2	32,1	38,9	32,7	34,2
Коллеблющиеся-в / Hesitant-b	24,8	31,7	62,4	63,5	18,6	26,0	45,3	49,9	2,7	2,7	36,4	48,2	31,8	35,8
Коллеблющиеся-н / Hesitant-u	23,5	40,4	56,9	53,3	25,5	24,2	35,3	46,3	7,8	3,4	45,1	53,0	33,3	32,9
Неверующие / Unbelievers	30,2	41,6	40,7	54,6	18,6	30,5	51,2	47,1	8,1	6,0	48,8	51,4	23,3	20,0
В целом по выборке / Overall for the sample	27,6	35,6	58,0	60,0	21,0	26,9	42,2	48,3	5,6	3,6	37,1	47,9	31,5	30,7

¹ Респонденты выбрали не более 3-х вариантов ответов.

Рост ценности «спокойная и безбедная жизнь» среди верующей молодёжи (2017 г. – 38,3%, 2020 г. – 49,4%) унифицировал её с неверующими (2017 г. – 51,2%, 2020 г. – 47,1%) и колеблющимися-в (2017 г. – 45,3%, 2020 г. – 49,9%). Подобный рост характерен и для группы колеблющихся-н (2017 г. – 35,3%, 2020 г. – 46,3%). При этом динамика данного показателя свидетельствует о более существенном его повышении именно в группе верующих. Этот экзистенциальный смысл, выросший в группе верующих на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции, мы связываем с выбором ими модели поведения «надёжность и спокойствие». Она может проявляться и ситуативно, как реакция на усталость от кризиса; может быть и следствием социально-психологической и социокультурной установки на избегание неопределённости; но также может быть обусловлена высокой ценой риска изменений. В ситуации выбора группа верующих в своём большинстве ориентирована на традиционную модель «надёжность и спокойствие» (77,5%). Менее других склонны к ее выбору колеблющиеся-н, хотя и в их среде предпочтение этой модели отдает две трети опрошенных (61,6 %).

Тенденция к росту значимости проявления своей индивидуальности (самореализации) среди верующих (2017 г. – 32,1%, 2020 г. – 38,9%) вывела этот смысл в разряд основных, но по сравнению с неверующими (2017 г. – 48,8%, 2020 г. – 51,4%) и колеблющимися группа верующих менее ориентирована на самореализацию.

Религиозная идентичность, дифференцируя молодёжь по ценности традиционного смысла жизни – «продолжение себя в будущих поколениях», определяет его большую значимость для верующих (2017 г. – 32,7%, 2020 г. – 34,2%) и неопределёвшихся, чем для неверующих (2017 г. – 23,3%, 2020 г. – 20,0%). Иначе религиозная идентичность различает молодёжь по ценности такого смысла как «стремление к истине»: в условиях самоизоляции 2020 г.

ценность этого смысла не меняется для верующих (2017 г. – 31,3%, 2020 г. – 28,8%), и вырастает для неверующих (2017 г. – 30,2%, 2020 г. – 41,6%) и неопределёвшихся, особенно для колеблющихся-н (2017 г. – 23,5%, 2020 г. – 40,4%).

В период пандемии COVID-19 религиозная идентичность не «срабатывает как регулятор» в отношении смысла «борьба за справедливость», генетически восходящего к принципу социальной справедливости, который «занимает очень важное место в модели национальной культуры России, мечта о справедливом обществе выполняет для населения страны роль консолидирующей идеи» (Горшков, 2012: 5). Среди верующих ценность смысла «борьба за справедливость» имела незначительную динамику (2017 г. – 23,1%, 2020 г. – 27,2%) в условиях самоизоляции, дистанционного обучения и «работы на удалёнке», среди неверующих, напротив, изменения заметные (2017 г. – 18,6%, 2020 г. – 30,5%). Колеблющиеся-н – тяготеют к верующим, колеблющиеся-в скорее к неверующим. При всём разнообразии представлений о «справедливом обществе» наиболее важными являются следующие их составляющие: а) равенство возможностей; б) активная роль государства в системе социальной защиты; в) дифференциация в доходах, отражающая уровень образования, квалификации и эффективности работы индивида, но не выходящая за разумные пределы» (Там же). Эти составляющие предполагают различного рода активности, конкретизирующие способы борьбы за справедливость, формы взаимодействия гражданского общества и государства. По данным 2020 г. верующие и неверующие практически не различаются по определению борьбы за справедливость как смысла жизни.

Институциональная регуляция религиозности доиндустриального и индустриального обществ, исходя из того, что «религия – это человеческой проект» и «смелая попытка осмыслить вселенную как место, значимое для человека (Бергер, 2019: 41),

была направлена на формирование гражданина лояльного власти. Именно через теодицию (объяснение-оправдание существующего зла) проявляется фундаментальная установка на отказ от своего «я», признание приоритета «упорядочивающей власти общества» (Бергер, 2019: 68). Это одна из основных причин конфликта религии и современной культуры, в которой провозглашается главенство уникальности индивида, ценность индивидуализма, свобода выбора. Приведенные данные показывают, что политическая борьба (за власть) – непопулярный смысл жизни как для верующих (2017 г. – 3,9%, 2020 г. – 2,2%), так и для неверующих (2017 г. – 8,1%, 2020 г. – 6,0%). Если же рассмотреть оценки деятельности власти в период пандемии, то верующие отличаются от неверующих большей лояльностью. Так, меры Правительства РФ по снижению влияния негативных последствий пандемии на экономику страны получили однозначную поддержку у 30% верующих и 16,7% неверующих, и напро-

тив, негативную оценку – у 20,7% верующих и 35,3% неверующих. Во мнении «считаю, что можно было сделать больше» разница между группами незначительная: 40% верующих и 35,7% неверующих.

Анализ связи религиозной идентичности молодёжи с представлениями о смыслах семьи с учётом динамики позволяет выделить 2 её основных смысла-цели: «любовь» и «потребность (не могу представить свою жизнь без семьи)» (Таблица 2).

Наблюдается рост значения «любви» как смысла семьи, который в этом случае оказывается более значимым для неверующих (2017 г. – 33,7%, 2020 г. – 53,9%), чем для верующих (2017 г. – 36,6%, 2020 г. – 43,8%). Определение смысла семьи как «потребности (не могу представить свою жизнь без семьи)» не претерпело изменений в полярных группах. Этот смысл по-прежнему более значим для верующих (2017 г. – 36,3%, 2020 г. – 35,3%), чем для неверующих (2017 г. – 23,3%, 2020 г. – 19,4%).

Таблица 2

Связь религиозной самоидентификации и смыслов семьи, %²

Table 2

Connection between religious self-identification and the meanings of the family

Группы молодёжи/ Youth groups	Смыслы семьи											
	Потребность (не могу представить свою жизнь без семьи)/ Need (can't imagine my life without family)		Необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи)/ Necessity (sense of duty or embarrassment without family)		Средство (для карьеры, комфорта)/ Means (for career, comfort)		Цель (семья просто должна быть)/ Purpose (family just has to be)		Любовь/ Love		Обуза/ Burden	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Верующие/ Believers	36,3	35,3	9,6	9,6	2,8	2,3	14,4	8,7	36,6	43,8	0,3	0,2
Колеблющиеся-в/ Hesitant-b	40,3	41,0	9,7	5,1	3,1	1,0	12,8	8,6	33,7	42,3	0,4	0,8

² Респонденты выбирали 1 ответ («один, самый точный»).

Колесблющи- еся-н/ Hesitant-u	35,3	28,1	13,7	16,6	0,0	4,8	17,6	10,8	33,3	37,6	0,0	2,0
Неверующие/ Unbelievers	23,3	19,4	19,8	10,6	2,3	3,3	19,8	9,6	33,7	53,9	1,2	3,2
В целом по выборке/ Overall for the sample	33,8	31,0	13,2	10,5	2,0	2,8	16,1	9,4	34,3	44,4	0,5	1,6

В отношении смысла семьи как «цели (семья просто должна быть)» зафиксировано снижение значения показателя в обеих группах.

Инструментальный смысл «необходимость (чувство долга или чувство неловкости без семьи)» разделяется каждым десятым верующим (2017 г. – 9,6%, 2020 г. – 9,6%), среди неверующих наблюдается падение его значимости, что сближает их с верующими (2017 г. – 19,8%, 2020 г. – 10,6%). Однозначно инструментальные значения семьи – «средство (для карьеры, комфорта)», «обуза» не поддерживаются в молодёжной среде. Большинство молодёжи во всех выделенных группах наделяет семью терминальными смыслами. В 2020 г. по соотношению терминальных и инструментальных смыслов семьи верующие (87,9% и 12,1%) и неверующие (82,9% и 17,1%) практически не дифференцируются.

Другой важной сферой жизнедеятельности молодого человека является труд. Часть молодёжи приобретает трудовой опыт ещё в процессе обучения, в форме вторичной занятости. Осмысление труда в этих случаях основывается на соотношении освоенных смыслов труда с индивидуальным контекстом, которое корректируется в период перехода к трудовой/профессиональной деятельности как основной. Молодёжь, не имеющая трудового опыта, транслирует представления о смыслах труда, сформированные семейным контекстом, социокультурной средой. Трудовые ценности для молодёжи, как и всех других социально-демографических групп, являются сензитивными элементами по отношению к состоянию рынка труда и в целом

экономики (Магун, 2006). Трудовая этика имеет этнокультурную специфику, содержащую профессиональные основания. В научном дискурсе акцентируется внимание на разных положениях христианской этики труда, отличиях в отношении к труду в разных христианских вероучениях (Коваль, 1994; Федоров, 1997). Мы же, концентрируясь на чертах сходства отношения к труду в этих вероучениях, отметим его осмысленность, общественную полезность, творчество (Там же).

Рассмотрение сопряженностей религиозной идентичности и смыслов труда по данным 2020 г. позволяет выделить 2 основных смысла («возможность заработать» и «ощущение своей полезности»), на которые в группе верующих приходится 75,1% дисперсии, неверующих – 65,7% (Таблица 3).

Положительная динамика по инструментальному смыслу «возможность заработать» наблюдается только в группе верующих (2017 г. – 45,6%, 2020 г. – 54,6%), в остальных группах она отсутствует, в том числе в группе неверующих значения стабильны: 2017 г. – 51,2%, 2020 г. – 51,9%. Почему только верующие оказались более чувствительными к социально-экономическим изменениям периода пандемии? Согласно данным 2020 г., по уровню дохода, типу поселения верующие не отличаются от других выделенных групп. Ценность этого смысла выросла во всех подгруппах верующих, дифференцированных по роду занятий, но чуть выше среди работающих (59,6%). Предполагаем, что объяснение нужно искать не только в социально-экономической сфере, но и в социокультурной и социально-психологической.

Таблица 3

Связь религиозной идентичности и смыслов труда, %³

Table 3

Connection of religious identity and meanings of work

Группы молодежи / Youth groups	Смыслы труда/ Meanings of labor											
	Ощущение своей полезности / Feeling useful		Возможность заработать / Opportunity to earn		Внутренняя потребность / Internal need		Вынужденная необходимость / Forced necessity		Творчество / Creation		Общение / Communication	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Верующие / believers	29,0	20,5	45,6	54,6	7,3	6,6	8,5	7,2	7,6	7,7	6,6	3,1
Коллеблющиеся-в / hesitant-b	28,3	25,2	52,3	51,5	6,6	6,4	8,5	6,9	3,1	7,6	2,0	2,4
Коллеблющиеся-н / hesitant-u	29,4	20,0	52,9	51,3	5,9	9,5	3,9	11,0	5,9	6,2	1,2	2,0
Неверующие unbelievers	22,1	13,8	51,2	51,9	8,1	8,5	7,0	8,4	11,6	14,0	2,0	3,3
В целом по выборке / Overall for the sample	27,2	19,8	50,5	52,3	7,0	7,7	7,0	8,4	7,0	8,9	2,9	2,7

Что касается эмоционального состояния верующей молодежи, то по данным 2020 г., в этой группе больше доля испытывающих положительные чувства, чем в других выделенных группах, и, наоборот, меньше доля осознающих негативные чувства. В ответах на вопрос «В какой степени отражают ваше состояние за прошедший год нижеперечисленные чувства?», среди верующих доля ощущающих *надежду* составила 63,3%, среди неверующих – 39,8%, *уверенность, безопасность* – соответственно 52,8 и 39,8%, *безразличие* – 16,4 и 26,2%, *тревогу* – 25,6 и 31,7%, *страх и отчаяние* – 14,3 и 22,2%, *возмущение и гнев* – 18,5 и 31,2%, *растерянность* – 15,7 и 23,5%⁴. Трехмерное распределение данных по переменным «религиозная идентичность», «смыслы труда», «эмоциональное состояние» не показало сколь-нибудь значимых сопряженностей.

Исходя из того, что инструментализация отношения к труду – это способ преодоления социальной неопределённости, предположим, что верующей молодежи по сравнению с неверующей более свойственно стремление к преодолению социальной неопределённости. В свою очередь, это предположение связано с тем, что религия воспринимается молодежью как средство защиты от неблагоприятной окружающей (в том числе социальной) среды и пространство самореализации. Данные 2020 г. это подтверждают. Верующие в большей степени ориентированы на выбор модели поведения «надежность и спокойствие» (77,5%), чем неверующие (63,7%), и в меньшей – на «изменение и риск» (22,5%), чем неверующие (36,3%). Коллеблющиеся-в близки к верующим («надежность и спокойствие» – 75%, «изменение и риск» – 25%), колеблющиеся-н – к неверующим

³ Респонденты выбрали 1 ответ («один, самый точный»).

⁴ В вопросе была использована трехчленная шкала: «отражают в большой степени», «отражают в малой степени», «не отражают». В тексте приведены данные по позиции «отражают в большой степени».

(соответственно 61,6 и 38,4%). И в выборе жизненной стратегии религиозная идентичность дифференцирует молодёжь подобным образом. Среди верующих 64,6% предпочитают «постоянство» и 35,4% «изменение», среди неверующих – соответственно 48,1 и 51,9%. Колеблющиеся-в и в этом случае близки к верующим («постоянство» – 65,4%, «изменение и риск» – 34,6%), колеблющиеся-н – к неверующим (соответственно 51,2 и 48,8%).

Наша следующая гипотеза о том, что молодёжь, ориентированная на «надёжность и спокойствие», предпочитающая в жизни «постоянство» чаще выбирает инструментальный смысл труда «возможность заработать», по сравнению с молодёжью, направленной на «изменение и риск», избирающей в качестве жизненной стратегии «изменение», подтвердилась в отношении верующих и неопределившихся. Во всех выделенных группах молодёжь, выбирающая модель поведения «надёжность и спокойствие», примерно в равных долях наделяет труд смыслом «возможность заработать» (верующие – 56,9%, неверующие – 54,5%, колеблющиеся-в – 59,9%, колеблющиеся-н – 57,9%). Среди верующих, ориентированных на модель «риск и изменения», доля придающих труду названный смысл, составила 46,4%, среди неверующих – 51,3%, среди колеблющихся-в – 31,9%, колеблющихся-н – 47,7%.

Выбор жизненных стратегий «постоянство» и «изменение» не ведут к внутренней дифференциации верующих при наделинии труда смыслом «возможность заработать» (соответственно 55,8 и 52,4%), неверующих (53,2 и 53,6%) и колеблющихся-н (55,7 и 52,5%), но значительно различают колеблющихся-в (61,2 и 36,8%). Полученные результаты выступают обоснованием применения других видов анализа в последующих исследованиях.

Снижение значимости терминального смысла «ощущение своей полезности»

наблюдается в обеих полярных группах, но есть отличия в значениях. Этот смысл остаётся немного более значимым для верующих (2017 г. – 29,0%, 2020 г. – 20,5%), чем для неверующих (2017 г. – 22,1%, 2020 г. – 13,8%). Скорее всего, это связано с инструментализацией мотивации труда на фоне пандемии, когда молодые люди меньше думали об общественной полезности и больше об экономическом и физическом выживании. По отношению молодежи к остальным смыслам труда («внутренняя потребность», «вынужденная необходимость», «общение») религиозная идентичность не вносит значимых различий.

В то же время зафиксирована тенденция к различию понимания верующими и неверующими труда как «творчества». Для неверующих этот смысл труда более значим, чем для верующих (в 2020 г. – 14,0 и 7,7%, соответственно). Но в целом, по отношению терминальных и инструментальных смыслов труда верующие и неверующие практически не дифференцируются.

Образование представляет собой сферу жизнедеятельности, которая, как и семья, объединяет молодёжь всех возрастов. Анализ данных сопряжённости религиозной идентичности и смыслов профессионального образования по данным 2020 г. позволяет выделить 3 основных смысла («возможность сделать карьеру», «развитие способностей», «диплом»).

Анализ полученных данных показывает, что на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции группа верующих проявляет большую инструментальную практическую в сфере образования, ориентируясь на возможность сделать карьеру и диплом. Нерелигиозная молодёжь демонстрирует несколько меньшую склонность к данному типу смыслов. Так, в 2020 г. по сравнению с 2017 г. среди верующих резко выросла ценность смысла «возможность сделать карьеру» (с 23,7% до 40,4%), среди неверующих – рост менее значимый (с 24,4% до 34%).

Связь религиозной самоидентификации и смыслов образования, %⁵

Table 4

Relationship between religious self-identification and the meanings of education

Группы молодёжи/ Youth groups	Смыслы образования/ Meanings of education											
	Развитие способностей/ Ability Development		Диплом/ Diploma		Потребность в познании/ Need for knowledge		Престиж/ Prestige		Возможность сделать карьеру/ Opportunity to make a career		Общая культура/ General culture	
	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020	2017	2020
Верующие/ Believers	35,8	26,9	20,0	21,8	10,7	7,6	4,2	1,2	23,7	40,4	5,6	1,9
Коллеблющиеся-в/ Hesitant-b	36,0	32,6	13,6	14,0	10,5	9,5	6,6	0,0	30,2	37,9	3,1	5,2
Коллеблющиеся-н/ Hesitant-u	41,2	22,2	19,6	13,3	13,3	4,4	2,0	4,4	23,5	48,8	0,0	6,6
Неверующие/ Unbelievers	37,2	30,0	18,6	17,0	12,8	13,0	1,2	1,0	24,4	34,0	5,8	5,0
В целом по выборке/ Overall for the sample	36,4	27,4	17,9	17,9	11,6	9,0	4,4	1,2	25,7	39,1	4,1	4,0

Ещё более значимая динамика этого смысла в группе колеблющихся-н (с 23,5% до 48,8%), колеблющиеся-в демонстрируют тенденцию к росту (соответственно 30,2% и 38,2%). На фоне роста ценности инструментального смысла «возможность сделать карьеру» зафиксирована тенденция снижения значимости терминального смысла «развитие способностей» как среди верующих (2017 г. – 35,8%, 2020 г. – 26,9%), так и неверующих (2017 г. – 37,2%, 2020 г. – 30%), в близких значениях. Резкое падение значимости данного смысла обнаружено в группе колеблющихся-н (2017 г. – 41,2%, 2020 г. – 22,2%), в группе колеблющихся-в

– отсутствие динамики (2017 г. – 36%, 2020 г. – 32,6%).

Ценность инструментального смысла «диплом» за исследуемый период в полярных группах не изменилась: верующие – 2017 г. – 20%, 2020 г. – 21,8%, неверующие – 2017 г. – 18,6%, 2020 г. – 17%. Молодёжь гораздо реже наделяет образование терминальным смыслом «потребность в познании»: верующие (2017 г. – 10,7%, 2020 г. – 7,6%), неверующие (2017 г. – 12,8%, 2020 г. – 13,0%). Еще меньшую значимость для всех выделенных групп имеют такие смыслы как «престиж» и «общая культура».

⁵ Респонденты выбирали 1 ответ («один, самый точный»).

Что касается соотношения терминальных и инструментальных смыслов образования в полярных группах, то по данным 2020 г. среди верующих оно следующее: соответственно 36,4 и 63,6%, среди неверующих – 48 и 52%. Колеблющиеся-в по данному соотношению совпадают с неверующими: соответственно 47,3 и 51,9%, колеблющиеся-н с верующими – 33,4 и 66,5%. Проявившееся среди верующих и колеблющихся-н выраженное инструментальное отношение к образованию, как и в случае с наделением смыслами труда, мы рассматриваем как стремление к преодолению социальной неопределенности. Неверующие и колеблющиеся-в демонстрируют раскол в отношении к образованию, и, вероятно, их в меньшей степени беспокоит состояние социальной неопределенности, либо они не рассматривают образование как средство его преодоления.

В группе верующей молодёжи наблюдается внутренняя дифференциация по соотношению терминальных и инструментальных смыслов образования: ориентированные на модель поведения «надежность и спокойствие», чаще придают инструментальные смыслы образованию (33,1 и 66,9%), по сравнению с теми, кто выбирает «изменение и риск» (42,8 и 57,2%). Среди неверующих иной характер дифференциации: у ориентированных на «надежность и спокойствие» проявилась тенденция к преобладанию терминальных смыслов над инструментальными (соответственно 54 и 46%), у направленных на «изменение и риск», напротив, выраженное инструментальное отношение к образованию (соотношение терминальных и инструментальных смыслов – 42,9 и 57,1%). Таким образом, при выборе современной модели поведения, направленной на «изменение и риск», регулирующее действие религиозной идентичности нивелируется в отношении определения смысла образования. Более того, данная модель поведения объединяет и неопределившихся с полярными группами, среди колеблющихся-в соотношение терминальных и инструментальных смыслов

образования составило 39% и 61%, среди колеблющихся-н соответственно – 38 и 62%. Что касается характера внутренней дифференциации, включая выбор модели поведения «надежность и спокойствие», то колеблющиеся-в сближаются с неверующими (52,1 и 47,9%), колеблющиеся-н – с верующими, демонстрируя предельно выраженное инструментальное отношение к образованию (26 и 74%).

По соотношению терминальных и инструментальных смыслов образования выбор жизненных стратегий «постоянство» (соответственно 37,4 и 62,6%) и «изменение» (соответственно 32,8 и 67,2%) не ведёт к сколь-нибудь значимой внутренней дифференциации верующих, в обоих случаях чётко проявляется их инструментальное отношение. Противоположные жизненные стратегии «постоянство» (49 и 51%) и «изменение» (50 и 50%) определённо делят неверующих на 2 группы. Колеблющиеся-н, как и верующие, демонстрируют инструментальное отношение к образованию, но обнаруживают внутреннюю дифференциацию по соотношению терминальных и инструментальных смыслов образования. Выбор жизненной стратегии «постоянство» в этой группе сопряжен с большей инструментализацией (соответственно 22,3 и 77,7%), чем выбор «изменения» (соответственно 36,6 и 63,4%). Колеблющиеся-в при выборе жизненной стратегии «постоянство» реже выбирают терминальные смыслы образования, чем инструментальные (соответственно 43,9 и 56,1%), при выборе «изменения» зафиксирована тенденция к преобладанию терминальных смыслов (53,5 и 46,5%).

Заключение (Conclusions). Религиозная идентичность как фактор смысловой саморегуляции жизнедеятельности молодёжи проявляется неоднозначно. Эта неоднозначность предопределена в молодёжной среде множественностью оснований для признания себя верующим. Так, в отношении экзистенциальных смыслов для верующих по сравнению с неверующими более значима любовь как смысло-жизненная

ценность, но меньше, как основа семьи. На фоне выраженного свойства избегания неопределенности, присущего верующим, повышается ценность смысла «спокойная и безбедная жизнь». Смыслы жизни «проявление своей индивидуальности (самореализация)» и «стремление к истине», соотносимые с современной культурой, представляют для верующих меньшую ценность, чем для неверующих. И, как предполагалось, смысл жизни – «продолжение себя в будущих поколениях», сопряженный с традиционной культурой, более значим для верующих, чем неверующих. А «борьба за справедливость» – не просто традиционный смысл жизни, а сохраняющий коннотацию консолидации нации, в период пандемии унифицировал верующих и неверующих. В этом случае гипотеза не подтвердилась.

Соотношение терминальных и инструментальных смыслов семьи практически не различает верующих и неверующих. Значимо их дифференцируют два терминальных смысла: «любовь», которая имеет большую ценность для неверующих, чем верующих, а «потребность в семье – более важная для верующих, чем неверующих.

Не дифференцирует религиозная идентичность молодых людей и в соотношении терминальных и инструментальных смыслов труда. Выявленная в период пандемии COVID-19 чувствительность верующих к смыслу труда «возможность заработать» сопряжена с выбором модели поведения «надёжность и спокойствие», что подтверждает гипотезу о свойственном верующим стремлении к преодолению социальной неопределенности посредством инструментализации отношения к объекту социальной реальности. Этот вывод поддерживает и инструментальное отношение к образованию как свойство верующей молодёжи, отличающее её от неверующих, а также сопряженности между выбором модели поведения «надёжность и спокойствие» и наделением образования преимущественно инструментальными смыслами.

Молодёжь, называющая себя верующей, на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции более оптимистична в сравнении с неверующими. Она обладает свойством избегания социальной неопределенности, что преимущественно сопряжено с наделением объектов социальной реальности инструментальными смыслами. Верующая молодёжь выделяется своей большей ориентацией на смыслы традиционной культуры. Что касается смыслов современной культуры, то данная группа либо в меньшей степени принимает их, либо совпадает с неверующими.

Полученные результаты актуализируют необходимость исследования религиозной идентичности как фактора смысловой саморегуляции жизнедеятельности молодёжи в контексте типологического анализа.

Список литературы

- Белова Т. П. Религиозный фактор исторической памяти российского студенчества о Великой Отечественной войне // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 9-21. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-2.
- Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / Пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
- Горшков М. К. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12 (344). С. 3-11.
- Зубок Ю. А. Изменяющаяся социальная реальность: рефлексия теоретических и эмпирических аспектов социологического исследования молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 10-30. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-2.
- Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодёжи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56-74. DOI 10.19181/nko.2022.28.4.5.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019 а. Т. 10, № 4. С. 164-186. DOI 10.19181/vis.2019.31.4.614.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция образа труда в культурном пространстве молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019 б. Т. 12, № 6. С. 243-259. DOI 10.15838/esc.2019.6.66.14.

Коваль Т. Б. Православная этика труда // Мир России. Социология. Этнология. 1994. Т. 3, № 2. С. 54-96.

Коган Л. Н. Теория культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1993. 160 с.

Кублицкая Е. А. Динамика процесса пост/де/секуляризации среди молодежных групп московского мегаполиса // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 103-115. DOI 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-8.

Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Традиционная религиозность и нетрадиционные религиозные учения в жизни российской молодежи: социально-педагогические аспекты // ЦИТИСЭ. 2019. № 5 (22). С. 478-493. DOI 10.15350/24097616.2019.5.44.

Кублицкая Е. А. Изучение религиозной и конфессиональной самоидентификации современного российского общества (социологический опыт) // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-religioznoy-i-konfessionalnoy-samoidentifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva-sotsiologicheskii-opyt> (дата обращения: 03.06.2023).

Лебедев С. Д. О религиозной идентичности в современном мире в свете диспозиционной концепции личности В. А. Ядова // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова): Сборник материалов конференции (Москва, 28–30 ноября 2019 года). М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 647-650.

Лебедев С. Д. Культурно-рефлексивные предпосылки установки религиозного экстремизма в секуляризованном сознании // Профилактика религиозного экстремизма: ценностно мировоззренческие аспекты: Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (Орел, 24-25 октября 2019 года) / Под редакцией Т. Г. Человенко. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2020. С. 52-59.

Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 104-117.

Магун В. С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991-2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4, № 4. С. 45-74.

Ореханов Ю. Л. Секуляризация и пост-модерн: религиозные процессы в молодежной среде в современной России и Европе и их социально-богословская рефлексия // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014. № 6 (56). С. 101-118.

Пилипенко А. Э., Пантелеев В. Г. Социальная активность студенческой молодежи: опыт исследования смысловых представлений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. № 3 (284). С. 84-97. DOI 10.53598/2410-3691-2021-3-284-84-97.

Пруцкова Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2015. № 3 (59). С. 62-80.

Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 1 (41). С. 44-69. DOI 10.19181/snsp.2023.11.1.3.

Селиверстова Н. А., Сорокин О. В., Ооржак С. У. Смысловые компоненты в представлениях о родине тувинской студенческой молодежи // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 110-124. DOI 10.25178/nit.2023.1.6.

Смирнов М. Ю. Феномен секуляризации в советском и постсоветском обществе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23, № 3-1. С. 173-181. DOI 10.25991/VRHGA.2022.3.1.015.

Соколовская И. Э. Влияние религиозного самосознания на выбор ценностных ориентаций современной молодежи // Преподаватель XXI век. 2013. № 4-1. С. 47-55.

Сорокин О. В. Смысловые отклонения в молодежной среде: опыт социологического исследования // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 4. С. 116-128. DOI 10.17805/zpu.2020.4.10.

Сорокин О. В. Отклоняющиеся смыслы в межличностных коммуникациях молодежи че-

рез призму тезаурусного подхода // Знание. Понимание. Умение. 2021 а. № 3. С. 145-158. DOI 10.17805/zpu.2021.3.11.

Сорокин О. В. Смысловые компоненты отношения к родине в культурном пространстве молодежи // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021 б. № 3 (284). С. 110-121. DOI 10.53598/2410-3691-2021-3-284-110-121.

Сорокин О. В. Переосмысление отношения к сфере образования в культурном пространстве молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 3. С. 111-121. DOI 10.19181/nko.2022.28.3.8.

Федоров В. Ф. Фундаментализм и творческая свобода Российского Православия // Куда идет Россия?... Общее и особенное в современном развитии: Международный симпозиум (Москва, 17–19 января 1997 года). М.: Интерцентр, 1997. 353-359.

Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.

References

Belova, T. P. (2022), "The religious factor of the historical memory of Russian students about the Great Patriotic War", *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 9-21. (In Russian)

Berger, P. (2019), *Svyashchennaya zavesa. Elementy sotsiologicheskoi teorii religii* [The sacred canopy: elements of a sociological theory of religion], transl. by Safronov, R., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (In Russian)

Gorshkov, M. K. (2012), "Russian dream": the experience of sociological measurement", *Sociological Studies*, (12), 3-11. (In Russian)

Zubok, Yu. A. (2022), "Changing social reality: a reflection on theoretical and empirical aspects of sociological research on youth", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 10-30. (In Russian)

Zubok, Yu. A. and Seliverstova, N. A. (2022), "Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth", *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 28 (4), 56-74. (In Russian)

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2019 a), "Self-regulation of life purpose values in youth cultural space", *Vestnik instituta sotsiologii*, 10 (4), 164-186. (In Russian)

Zubok, Yu. A. and Chuprov, V. I. (2019 b), "Self-regulation of the image of labor in young people's cultural space", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12 (6), 243-259. (In Russian)

Koval, T. B. (1994), "The Orthodox ethics of work", *Universe of Russia*, 3 (2), 54-96. (In Russian)

Kogan, L. N. (1993), *Teoriya kultury* [Cultural theory], UrGU, Yekaterinburg, Russia. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2022), "Dynamics of the post/de/secularization process among the youth groups of the Moscow metropolis", *Research Result. Sociology and management*, 8 (3), 103-115. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. and Lyutenko, I. V. (2019), "Traditional religious and non-traditional religious teachings in the life of the Russian youth: socio-pedagogical aspects", *CITISE*, (5), 478-493. (In Russian)

Kublitskaya, E. A. (2009), "The study of religious and confessional self-identification of modern Russian society (sociological experience)", *Social and humanitarian knowledge*, (3) [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-religioznoy-i-konfessionalnoy-samoidentifikatsii-sovremennogo-rossiyskogo-obshchestva-sotsiologicheskii-opyt> (Accessed 03 June 2022). (In Russian)

Lebedev, S. D. (2019), "On religious identity in the modern world in the light of V. A. Yadov's dispositional concept of personality", *Budushchee sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy sotsialnykh transformatsy (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Yadova): Sbornik materialov konferentsii* [The future of sociological knowledge and the challenges of social transformation (on the 90th anniversary of V. A. Yadov): Proceedings of the conference], Moscow, Russia, 647-650. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2020), "Cultural and reflective prerequisites by the attitude of religious extremism in a secularized consciousness", *Profilaktika religioznogo ekstremizma: tsennostno mirovozzrencheskie aspekty: Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Preventing Religious Extremism: Values and Worldview Aspects: Proceedings of the All-Russian (with international participation) Scientific and Practical Conference], in Chelovenko, T. G. (ed.), Orel State University, Orel, Russia, 52-59. (In Russian)

Leontiev, D. A. (2014), "Meaning making and its contexts: life, structure, culture, experience" *Mir psikhologii*, (1), 104-117. (In Russian)

Magun, V. S. (2006), "Changes in work values of the Russian workers, 1991-2004", *Russian management journal*, 4 (4), 45-74. (In Russian)

Orekhanov, Yu. L. (2014), "Secularization and postmodernism: Religious processes among the young in today's Russia and Europe and their social and theological reflection", *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya*, (6), 101-118. (In Russian)

Pilipenko, A. E. and Panteleev, V. G. (2021), "Social activity of students: experience in research of semantic ideas", *Bulletin of Adyge State University. Series Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culturology*, (3), 84-97. (In Russian)

Prutskova, E. V. (2015), "Association of religiosity with norms and values. The factor of religious socialization", *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya*, (3), 62-80. (In Russian)

Seliverstova, N. A. and Zubok, Yu. A. (2023), "Ideas about the meanings of education among students: socio-cultural peculiarities of self-regulation", *Sotsiologicheskaja nauka i sotsialnaja praktika*, 11 (1), 44-69. (In Russian)

Seliverstova, N. A., Sorokin, O. V. and Oorzhak, S. U. (2023), "Semantic components in Tuvan students' perceptions of homeland", *The New Research of Tuva*, (1), 110-124. (In Russian)

Smirnov, M. Yu. (2022), "The secularization phenomenon in Soviet and post-Soviet society", *Vestnik RHGA*, 23 (3-1), 173-181. (In Russian)

Sokolovskaya, I. E. (2013), "Influence of religious identity on selection of value orientation of modern youth", *Prepodavatel XXI vek*, (4-1), 47-55. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2020), "Deviations in meaning within youth environment: a sociological research", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (4), 116-128. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 a), "The thesaurus approach of Val. A. Lukov in the study into deviant meanings of interpersonal communication of young people", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 145-158. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2021 b), "Semantic components of attitudes towards the Homeland in the cultural space of young people", *Bulletin of Adyge*

State University. Series Region studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political sciences and culturology, (3), 110-121. (In Russian)

Sorokin, O. V. (2022), "Rethinking attitudes towards education in the cultural space of young people", *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 28 (3), 111-121. (In Russian)

Fedorov, V. F. (1997), "Fundamentalism and the creative freedom of Russian Orthodoxy", *Kuda idet Rossiya?... Obshchee i osobennoe v sovremennom razvitanii: Mezhdunarodny simpozium [Where is Russia going...? The general and the special in modern development: International symposium]*, Intertsentr, Moscow, Russia, 353-359. (In Russian)

Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla [A man in search of meaning]*: Coll.: Transl. from English and German, in Gozman, L. Ya. and Leont'ev, D. A. (eds.), Progress, Moscow, Russia. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 03 мая 2023 г. Поступила после доработки 10 июня 2023 г. Принята к печати 15 июня 2023 г.

Received 03 May 2023. Revised 10 June 2023. Accepted 15 June 2023.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflicts of interest to declare.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Nina A. Seliverstova, Dr. Sci (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Yuliya A. Zubok, Dr. Sci (Sociology), Professor, Head of the Center for the Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS), Moscow, Russia.